

Лѣтопись и мысли стараго педагога ¹⁾.

Возвращаюсь къ первому году открытія интерната. Главная задача при открытіи интерната въ новомъ учебномъ заведеніи естественно была создать такую атмосферу въ духовной жизни питомцевъ, которая, переходя въ традиціи и обычаи, могла бы служить помощью воспитателямъ и учителямъ въ ихъ работѣ съ послѣдующими поколѣніями. Эта нравственная атмосфера или духъ заведенія служить самымъ могущественнымъ средствомъ для воспитанія индивидуальнаго, подчиняя себѣ быстро и прочно отдѣльныхъ личностей.

Привычка и любовь къ труду, довѣрчивое отношеніе между воспитывающими и питомцами, правильное пониманіе чести и товарищескихъ отношеній, твердость характера, хорошее направленіе привычекъ и воли, искреннее отношеніе къ религіи и завѣтамъ родной страны, способность поступаться своими интересами на пользу общую,—вотъ главнѣйшія качества, которыя считали мы, да безъ сомнѣнія и всѣ безъ исключенія педагоги во всѣ времена, наиболѣе важными и особенно необходимыми въ начальной работѣ. Я хорошо помнилъ слова Пирогова, лично мнѣ сказанныя: „чтобы овладѣть душою ребенка, надо отдать ему, свою душу; чтобы получить его довѣріе, надо вѣрить ему, и помните, что педагогъ—это художникъ, который творитъ въ душѣ ребенка идеаль свѣтлой личности“. Слова величественныя, но отъ словъ до дѣла еще очень далеко.

Вопросъ сводится къ тому, какъ установить на практикѣ правильное внѣшнее проявленіе и внутреннее отношеніе къ людямъ и міру.

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

Конечно, рецептовъ на это нѣтъ, а если и встрѣчаются, то носятъ характеръ общихъ мѣстъ и пожеланій.

Въ моихъ замѣткахъ давно прошедшаго времени я нашелъ упоминаніе о нѣкоторыхъ нашихъ приемахъ и отдѣльныхъ случаяхъ, удачныхъ и неудачныхъ.

Надо замѣтить, что первый годъ пребыванія дѣтей въ закрытомъ учебномъ заведеніи требуетъ особеннаго вниманія со стороны воспитывающихъ. Дѣти, съѣхавшіяся съ разныхъ концовъ Россіи, совершенно другъ другу незнакомыя, представляютъ интересный и удобный матеріалъ для наблюденій, для опредѣленія ихъ характеровъ. Смѣлыя и задорныя, сдержанныя, слабыя и трусливыя, великодушныя, мстительныя и злопамятныя, настойчивыя и уступчивыя, трудолюбивыя и лѣнивыя и проч., всѣ эти качества на первыхъ порахъ обнаруживаются легко. Дѣти обыкновенно очень довѣрчивы и привязчивы, если видятъ какое-либо вниманіе и заботу о нихъ новаго человѣка, близко къ нимъ поставленнаго. Воспитателю очень не трудно въ это время сдѣлать почти вѣрную характеристику каждаго, съ которою и сообразоваться въ дальнѣйшей своей дѣятельности съ отдѣльными личностями.

Въ младшихъ классахъ мы очень часто читали имъ рассказы, въ коихъ иллюстрировались случаи мужества, отваги, великодушія и честности. Рассказы эти производили сильное впечатлѣніе на дѣтей, и они съ увлеченіемъ искали случаевъ для подражанія и подвиговъ.

Однажды зимой я замѣтилъ на дворѣ кучу нашихъ малышей, возбужденно о чемъ-то толковавшихъ. Я вышелъ къ нимъ и увидѣлъ, что они окружили какого-то оборваннаго мальчика, дрожавшаго отъ холода. Они терли ему руки и лицо, чтобы согрѣть. Воспитанники бросились ко мнѣ и стали рассказывать, что они встрѣтили этого мальчика на улицѣ, онъ очень плакалъ, что у него больная мать и имъ нечего ѣсть. Дѣти просили меня, чтобы я позволилъ ему приходить къ нимъ въ столовую, когда они обѣдаютъ. Я позволилъ, и они усиленно стали его откармливать, удѣляя отъ своихъ порцій и снабжая въ изобиліи пищею для него и для матери и даже дарили ему игрушки. Нѣкоторымъ я позволилъ пойти посмотрѣть, какъ живутъ эти бѣдные люди.

Случалось намъ указывать на нѣкоторыя семьи служителей, которыя бѣдствовали. Всегда съ увлеченіемъ воспитанники шли на помощь.

На Рождество иногда устраивали елку для дѣтей прислуги

Но въ то же время питомцы, случалось, были безпощадно жестоки по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей. Тогда приходилось подробно разспрашивать ихъ о причинахъ и входить въ самыя мельчайшія подробности каждаго отдѣльнаго случая. Очень часто причины преслѣдованія—были несимпатичныя стороны характера преслѣдуемаго. Если его обижали несправедливо, то я отдавалъ его подъ покровительство нѣсколькихъ его товарищей и просилъ ихъ заступаться, если онъ былъ не виноватъ. Бесѣды съ воспитанниками были часто продолжительныя, и споры вообще о справедливости и великодушій—горячіе. Дурное отношеніе къ прислугѣ каждый разъ встрѣчало съ нашей стороны самое строгое порицаніе, а иногда и наказаніе, если виновный по упрямству не хотѣлъ извиниться передъ обиженнымъ. Порицаніе распространялось и на товарищей виновнаго за то, что они не умѣли удержать въ границахъ ихъ заносчиваго товарища. Въ большинствѣ случаевъ товарищи оправдывались тѣмъ, что служитель самъ былъ дерзокъ и нельзя было стерпѣть. Возстановить строгую справедливость и правильную оцѣнку обѣихъ сторонъ было очень трудно. Прислуга тоже была не безъ грѣха. Оставался одинъ аргументъ: что невоспитанному человѣку можно больше простить, чѣмъ воспитанному. Для примѣра прочимъ приходилось наказывать и дядьку, и воспитанника.

Отношенія малышей къ воспитателямъ и преподавателямъ были въ общемъ просты, патріархальны, здѣсь сразу установилось довѣріе и авторитетъ. Единичные случаи не имѣли вліянія на массу.

Религіозное настроеніе дѣтей, благодаря всѣми уважаемому священнику Успенскому, было хорошее. Каждый имѣлъ свой образокъ на кровати и молился утромъ и вечеромъ независимо отъ общей молитвы.

Частые разговоры наши съ дѣтьми объ ихъ семьяхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ братьямъ и сестрамъ, подробные рассказы ихъ о мелкихъ событіяхъ ихъ дошкольной жизни очень смягчали и прекрасно настраивали ихъ душевное состояніе.

Бывали случаи, что кто-либо изъ воспитанниковъ соблазнится на чужое добро и похититъ у товарища лакомства, ручки, перья, тетради и проч. Всегда этимъ возмущалась вся масса и соблазнившемуся не легко сходило отъ товарищей. Намъ оставалось только слѣдить, чтобы не было эксцессовъ. Очень не любили товарищи жалобщиковъ, и мы тоже не поощряли этого. Лучше было, когда взаимныя неудовольствія улаживались самостоятельно.

Недобросовѣстное отношеніе къ учебнымъ работамъ не встрѣчало большого порицанія среди товарищей. Указанія на безнравственность и отвратительность лжи и обмана, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, не имѣли вполнѣ желаемыхъ результатовъ и хотя наши питомцы были правдивы, но въ учебныхъ дѣлахъ контрабанда оставалась.

Такимъ образомъ съ дѣтьми младшаго возраста, только-что поступившими въ заведеніе, дѣло пошло какъ будто успѣшно. Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю то счастливое время, то простое и ласковое отношеніе къ намъ дѣтей. Отрадно было мнѣ видѣть, какъ дружно тѣснились они около меня и каждый добивался, чтобы я положилъ ему руку на плечо. Перебивая другъ друга, рассказывали свои впечатлѣнія, свои радости и неудачи. Иногда я приходилъ къ нимъ съ кѣмъ-либо изъ ихъ родителей, которые умилялись при видѣ этой картины. Не забуду, какъ одна мать при этомъ заплакала и сказала мнѣ: „Боже мой, Боже мой, какъ они Васъ любятъ и какъ Вы этимъ счастливы“. Дѣти съ удовольствіемъ слушали наши рассказы. Иногда мы отправлялись съ ними въ дальнія прогулки, разводили костры, пекли картофель, и случалось, возвращались подъ проливнымъ дождемъ, всѣ промокшіе, но оживленные и бодрые духомъ. Счастливое, чудное время!.. Крупныхъ проступковъ совсѣмъ не было, а одно полугодіе было такое, что не встрѣтилось ни одной записи въ журналѣ и мы устроили дѣтямъ въ награду ужинъ. Всѣ воспитатели, учителя и питомцы сидѣли съ ними за однимъ столомъ и вели оживленную бесѣду. Послѣ ужина устроили игры, принявъ въ нихъ участіе.

Учебныя занятія для нѣкоторыхъ были трудны, но воспитатели младшихъ классовъ добросовѣстно шли къ нимъ на помощь, и потому на другой годъ въ тѣхъ же классахъ осталось очень мало.

Наказанія мы въ принципѣ не отвергали, но прибѣгать къ нимъ почти не приходилось.

По мѣрѣ того, какъ малыши выросли и переходили въ старшіе классы, работа значительно усложнялась и начиная уже съ 4 класса формировать хорошіе обычая становилось труднѣе. Обнаруживались порочные мальчики, частью поступившіе прямо въ старшіе классы, болѣе или менѣе уже искушенные жизнью. Они вредно вліяли на слабохарактерныхъ и болѣе юныхъ товарищей. Являлась скрытность и тайное, а иногда и явное нарушеніе принятыхъ и установившихся порядковъ, неустойчивость въ духовной сторонѣ жизни. Идеалы любви, добра и

правды у нѣкоторыхъ меркли подъ вліяніемъ собственныхъ пробуждавшихся инстинктовъ и страстей и подъ вліяніемъ факторовъ внѣ заведенія.

Пробуждавшіеся половые инстинкты въ значительной степени отражались на душевномъ настроеніи юношей, складѣ ихъ характера и на отношеніи ихъ къ окружающимъ.

Продолжая наше дѣло въ томъ же направленіи, какъ и въ младшихъ классахъ, приходилось чаще практиковать общія чтенія литературныхъ произведеній и бесѣдовать на отвлеченныя темы, съ цѣлью привить въ молодежи стремленіе къ идеаламъ, подражать коимъ они желали, сообразно своимъ природнымъ склонностямъ, со свойственною этому возрасту пылкостью, но малою устойчивостью.

Чувство солидарности въ товарищескихъ отношеніяхъ росло, но иногда принимало невѣрное направленіе чаще всего подъ вліяніемъ одного или нѣсколькихъ субъектовъ, обладавшихъ нѣкоторыми данными для вліянія на массу. Обыкновенно я старался сблизиться съ такими юношами, бралъ ихъ къ себѣ по праздникамъ, вводилъ въ свою семью и мало-по-малу переработывалъ настолько, что они не только не вредили дѣлу, но подчасъ были полезны какъ проводники хорошихъ мыслей. Эти вожаки были большею частью энергичные, обладавшіе настойчивостью и смѣлостью, съ твердымъ характеромъ и, пріобрѣтая благородный образъ мыслей, дѣлались впоследствии весьма хорошими людьми.

Встрѣчались однако же и такіе коноводы, которые насъ обманывали своею внѣшностью и вносили заразу въ жизнь интерната. Такихъ испорченныхъ и не поддававшихся было немного, и благоразумнѣе всего было удалить ихъ, ибо появленіе инфекціонныхъ болѣзней какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ требуетъ изоляціи. Для изолированія первыхъ существуютъ особыя комнаты при лазаретѣ, для изоляціи вторыхъ помѣщенія не имѣлось. Карцеры для этого не годятся, и нравственная зараза часто распространяется быстрѣе, нежели физическая, ибо нравственные средства для исправленія обыкновенно такъ медленно дѣйствуютъ, что за это время можетъ перепортиться много дѣтей, особенно когда хорошія традиціи въ заведеніи еще не установились.

Иногда неукротимаго, но видимо безвольнаго юношу я поручалъ его товарищамъ, чтобы они за нимъ смотрѣли и заставляли бы его учиться и исполнять порядки заведенія. Говорилъ имъ при этомъ, что только они могутъ спасти его, ибо ему

грозить исключеніе. Случалось, что и сами товарищи приходили ко мнѣ просить за предназначеннаго къ исключенію, обязываясь удерживать его отъ проступковъ. Иногда это удавалось, а бывало и такъ, что придуть товарищи и говорятъ мнѣ: „Ничего съ нимъ не подѣлаешь, надо его наказать“. „Какъ же вы думаете слѣдуетъ его наказывать“, спрашиваю ихъ. Въ числѣ предлагаемыхъ ими мѣръ къ моему удивленію въ среднихъ классахъ были совѣты „посѣчь“.

Въ старшихъ классахъ чувство собственнаго достоинства принимало иногда уродливыя формы. Развивалась болѣзненная обидчивость. Въ этомъ отношеніи намъ, педагогамъ, надо было имѣть большой тактъ и осторожность. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ насъ далеко не обладали этимъ качествомъ и мало въ душѣ любили дѣтей. Происходили одиночныя стычки, вызывавшія раздраженіе обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые изъ педагоговъ возбуждали общее нерасположеніе своими приемами. Такъ одинъ все содержаніе своей дѣятельности полагалъ въ изловленіи нарушителей порядка, для чего на ципочкахъ подкрадывался къ классу и какъ охотникъ радовался удачѣ. Другой былъ настолько мелоченъ въ своихъ требованіяхъ, что не могъ отличить невинной шалости отъ умышеннаго и явнаго неповиновенія. Нѣкоторые не могли отречься отъ мысли безпрекословнаго повиновенія и когда воспитанникъ хотѣлъ объясниться въ замѣченной неисправности или проступкѣ, то педагогъ кричалъ: „Молчать, какъ смѣешь разговаривать“. Масса анекдотовъ ходила среди кадетъ по этому поводу. Въ теченіе моего 25 лѣтняго управленія заведеніемъ, я долженъ былъ отказать 14 воспитателямъ и 6 преподавателямъ, какъ совершенно не подходящимъ къ педагогической дѣятельности. Одиночные случаи конечно легко было улаживать, и они не имѣли вліянія на общій духъ заведенія. Но когда недружелюбныя чувства накоплялись среди воспитанниковъ, то выражался протестъ одновременно многими и появлялись признаки стадности. Неудовольствіе обыкновенно выражалось шиканьемъ по адресу педагога. Въ первые годы существованія заведенія этого не наблюдалось, но въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія повторялось нерѣдко. Разборка этихъ случаевъ была довольно трудна, ибо были и зачинщики безпорядка и было большинство шикавшихъ безсознательно по стадности въ русскомъ духѣ. Трудно было даже самимъ воспитанникамъ опредѣлить—зачинщикъ онъ или послѣдователь, ибо безпорядокъ происходилъ обыкновенно внезапно безъ уговора. Желая опредѣлить зачинщиковъ, мы стыдили всѣхъ, укаывая,

какъ неблагогородно и малодушно прятаться за другихъ, особенно для будущихъ воиновъ, которые должны привыкнуть встрѣчать опасность и отвѣтственность лицомъ къ лицу. Въ большинствѣ случаевъ находилось нѣсколько юношей, которые принимали вину на себя иногда, чтобы снять съ товарищей упреки въ трусости. Помню, не одинъ разъ вину принимали на себя порядочные мальчики, чтобы спасти дѣйствительно виновныхъ плохихъ по своему поведенію, которымъ угрожало строгое наказаніе или удаленіе на попеченіе родителей. Такой случай напр. былъ съ кадетами, переведенными въ нашъ корпусъ изъ 8-го Московскаго корпуса, послѣ происшедшихъ тамъ крупныхъ беспорядковъ. Пробовали мы оказывать широкое довѣріе старшимъ кадетами, поручали имъ надзоръ надъ младшими, отпускали съ ними кадетъ въ театръ и на прогулки. Сколько помню—не было ни одного случая, чтобы довѣріе это не оправдалось и благопристойность соблюдалась въ общественныхъ мѣстахъ. Долженъ сознаться, что мы и родители дѣлали промахи въ способахъ противодѣйствія нежелательнымъ наклонностямъ юношей. Думаю, что при той массѣ дѣтей, какая находилась на нашемъ попеченіи, мы можетъ быть не имѣли времени хорошо вдумываться въ каждый отдѣльный случай и, подъ вліяніемъ общаго теченія, были слишкомъ озабочены внѣшними дефектами школьной жизни. Да и не такъ легко надѣлѣ измѣнять прирожденные наклонности, свойства характера и результаты дошкольнаго воспитанія дѣтей.

Были нерѣдко случаи, что работа наша на отдѣльныхъ личностяхъ не давала благопріятныхъ результатовъ, и мы оказывались безсильными. Тогда оставалось только удалять порочныхъ и не поддающихся исправленію воспитанниковъ. Опасно, а иногда и совершенно невозможно было оставлять ихъ въ заведеніи въ виду грозящаго опасностью вліянія ихъ на своихъ сверстниковъ, съ шаткимъ и безвольнымъ характеромъ. Случаи эти, правда, были рѣдки.

Въ теченіе 25 лѣтъ моего пребыванія въ Симбирскомъ корпусѣ возвращено на попеченіе родителей за рядъ проступковъ 19 мальчиковъ. Я долженъ замѣтить, что масса воспитанниковъ молчаливо, но явно признавала справедливость такой мѣры и никакого сочувствія къ исключаемому не обнаруживала. Порочные, а въ особенности безправственные мальчики не пользовались расположеніемъ и уваженіемъ товарищей.

Вообще къ наказаніямъ приходилось прибѣгать довольно часто въ зависимости отъ личныхъ качествъ педагогическаго

персонала. Не были мы подготовлены къ искусству нынѣшнихъ педагоговъ—обходиться безъ наказаній и дѣйствовать только словомъ и убѣжденіемъ. Наказанія практиковались конечно различныя, сообразно съ возрастомъ. Въ старшихъ классахъ, кромѣ словесныхъ внушеній и воздѣйствій на совѣсть, нравственную порядочность и самолюбіе, примѣнялось: нарядъ на лишнее дежурство, карцеръ, лишеніе отпуска на праздники и за крупный проступокъ—лишеніе плечевыхъ погонъ, послѣднее примѣнялось очень рѣдко. Нельзя сказать, чтобы карцеръ и лишеніе отпуска давали всегда благопріятные результаты, бывали и отрицательные. Надо было внимательно въ это всматриваться. Въ среднихъ и младшихъ классахъ карцеръ никогда не примѣнялся. Здѣсь преимущественно господствовала постановка на штрафъ, запрещеніе играть въ свободное время,—а сидѣть на одномъ мѣстѣ, лишеніе отпуска и ограниченіе въ пищѣ, т. е. лишеніе 3-го блюда за обѣдомъ и замѣна бѣлаго хлѣба чернымъ. Обѣщаніе написать родителямъ имѣло всегда хорошее дѣйствіе во всѣхъ классахъ. Тѣлесныя наказанія въ половинѣ 80-хъ годовъ совершенно вышли изъ употребленія.

Случалось, что переводили къ намъ мальчиковъ, исключенныхъ изъ другихъ заведеній въ надеждѣ, что они при другой обстановкѣ исправятся. Это были трудные субъекты, хотя не всегда безнадежныя, но въ большинствѣ случаевъ приносяшіе много вреда молодому заведенію.

Н. Якубовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

